

РИША
СТАРЛАЙТ

16+

Счастливые дети
ДЛЯ МАЖОРА

Риша Старлайт

Случайные дети для мажора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67891349

SelfPub; 2022

Аннотация

Он – мажор, сын миллиардера, самый крутой парень на нашем факультете. Я – нищая приезжая из деревни. Он – пробует себя в руководстве компании отца, я – подрабатываю официанткой в ночном клубе. На него вешаются первые красавицы универа – на меня смотрят как на подавальщицу. Мы не должны были сблизиться. А теперь я люблюсь на две полоски на тесте для беременности.

Переработка и редакция романов, ранее называвшихся "Твой папа – мажор" и "Случайная двойня для мажора"

Содержание

Глава 1. Двойная неожиданность	4
Глава 2. Случайная ночь	10
Глава 3. Настоящее	19
Глава 4. Предложение мажора	25
Глава 5. В клинике	31
Глава 6. Таблетка от всего	39
Глава 7. Это двойня	44
Глава 8. Двойной сюрприз	50
Глава 9. Свадьба с Вениамином	54
Глава 10. Случайные дети мажора	59
Глава 11. Поиск решения	66
Глава 12. Аборт или нет?	73
Глава 13. Первый день в универе	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Риша Старлайт

Случайные дети для мажора

Глава 1. Двойная неожиданность

– Кудряшкина! Давай быстрее! Отлить охота! – стук в дверь и сиплый голос Вени – соседа по этажу в общежитии.

Как назло, не получается расслабиться и... выполнить тест на беременность. Наконец, закрываю глаза, и...

– Кудряшкина! Мать твою! Я знаю, что ты там! А ну выходи!

Не могу открыть глаза.

Страшно.

А если вдруг?

Я – нищая студентка из Сосенок, и... мама прибьет меня! Возьмет грабли и как даст промеж глаз или в живот, так и аборт не понадобится...

Машу тестом, чтобы побыстрее высох. Дверь буквально ходит ходуном, грозясь сорваться с петель. Вени неистовствует. Но меня сейчас это мало волнует.

Приоткрываю один глаз. Всматриваюсь. И снова зажимаюсь. Сильно-сильно. Прикусываю со всей дури внутрен-

нюю часть щеки.

Нет!

Это не сон!

Две.

Яркие.

Четкие.

ПОЛОСКИ!!!

Поздравляю, Кудряшкина Виктория Викторовна, двадцати годов отроду.

Вам удалось залететь от миллиардера Рустама Громова!...

Как?!

А вот так!

Месяц назад

– Три шашлыка и мясное ассорти за пятый столик, два цезаря и фреш за пятнадцатый! Кудряшкина, Ау! Ты слышишь меня, или как, тупая ты п... звезда! – старшая менеджер всю неистовствует, перекрикивая громкую музыку и всеобщее веселье в клубе.

Сегодня я уставшая. Конец недели, сессия не стала поводом для отлынивания от работы. Последние семь дней толком не спала, до двух-трех ночи работала в клубе, потом бежала в общежитие, готовилась к экзаменам и зачетам, а после, снова уматывала на работу.

Ну ничего, сессия окончена и успешно закрыта – никаких хвостов на осень у меня не осталось. И денег заработала, от-

правила в Сосенки. Папе требуется постоянное дорогостоящее лечение, на которое у нас попросту нет денег. Родители – пенсионеры, у них крохотные пенсии, мама ведет натуральное хозяйство у себя на участке, а я у них – единственная надежда и свет в окошке. В большой город из наших Сосенок родители отправили меня не только в университет, но, и чтобы я зарабатывала настоящие живые деньги папе на лекарства.

Я сразу же устроилась официанткой. Много ума в этой профессии не надо. Услужливость и хорошая память – вот два главных условия, которых у меня пока предостаточно. Я – простая девушка из деревни, из бедной семьи, к работе я привыкшая, а вот шиковать и тратить деньги, совсем нет.

Тут, в большом городе, я живу в общежитии в комнате с еще тремя девочками, домой езжу редко. Это очень долго и дорого, да и времени на это нет. Я или учусь, или работаю. Стараюсь совмещать, но не всегда выходит. Учеба страдает из-за этого. Я вполне могла бы пойти на красный диплом, если бы у меня было на это хоть немного времени. А так, получила «удовлетворительно» и прекрасно – дуй дальше на смену.

Вот и сегодня, после последнего зачета я, не переодеваясь поскакала на работу, с недельной усталостью и недосыпом.

Поэтому, когда вижу компанию студентов из нашего потока, то первая мысль – что мне чудится. Все эти лица я уже видела с утра пораньше, и вот, снова-здорово!

Это – не моя компания. Это – дети успешных родителей, чиновников и бизнесменов. Мажоры, грубо говоря. С простыми смертными подавальщицами типа меня они не очень-то якшаются. Парни просто игнорируют не замечая, а девушки смотрят, точно на грязь под своими длинными гелевыми ногтями, так и норовя задеть, придраться и самоутвердиться за счет слабых.

– Кудряшкина, мать твою! Говорю цезари за пятнадцатый! Куда оливье потащила?!

– П-простите, – отставляю нарезанный кубиком салат и хватаю яркий, зеленый, присыпанный сухариками в керамической плошке.

А все он виноват. Рустам Громов. Черноглазый здоровенный парень с потока. Высокий, под два метра, мощные раскаченные руки забиты татуировками. На шее красуется орнамент из шипов и цепей. Ему бы в физкультурном учиться, но разве же его отец, миллиардер Руслан Громов допустил бы такое?

Ну конечно нет! Несмотря на то, что Рустам еще учится, он, точно так же как и я работает после универа. Но отнюдь не халдеем. О, нет! Папа приготовил ему тепленькое местечко помощника руководителя отдела в своей компании. Так что Рустам без дела не сидит. Тратит на красоток и моделей не папины, а собственные заработанные деньги. Ну и конечно же никогда в жизни он не посмотрит на бедную церковную мышь, типа меня. Не моего он уровня, не моего полета

птица...

А я... а я как дура возьми и влюбись в него! До ужаса. До беспамяатства. До трясуочки... Вот мне это надо? Мало у меня проблем было и комплексов. Так вот тебе еще один, главный! Неразделенная любовь – это ужасно. Но сердцу, как говорится, не прикажешь!

Беру огромное блюдо с шашлыком, прикрытым лавашом, рядом на подносе кружки пива. Иду в логово мажоров. Мажоры – то они хоть и всамделишные, но пиво хлебают в два горла, отнюдь не по-мажорски, а очень даже по рабоче-крестьянски.

Наша университетская «элита» оккупировала небольшое помещение, отделенное от основного ночного клуба, у них там своя тусовка. Дым от кальянов висит коромыслом, гремит музыка. Все орут, кричат, свистят – в общем веселье рекой.

Какая-то падла щипает меня прямо за зад. Я взвизгиваю и чудом не опрокидываю поднос. Ставлю на стол.

– Ой, смотрите, это же та дура нищая из универа! – Марьяна Касаткина, известная университетская шкура, повисшая на шее у Рустама, показывает на меня пальцем.

– Эй ты, я тебя видела сегодня! – Юлия Князева, мажорка нагло развалилась на коленях у Громова.

Мне неприятно. Ну что же они все липнут к Громову, точно мухи к меду? Ну, он богатый, умный, не мразь, как некоторые. Щедрый. А еще он очень пьяный.

Видимо так сильно отмечал конец сессии, что перестал себя контролировать. Рустам не смотрит на меня. Никогда. Я для него – не больше чем пустое место, или интерьер мебели с подносом в руках. И повисших на нем шкур он не лапает. Просто позволяет им самим вытворять все, что придет в их головы.

Мне так обидно и больно, что сил терпеть это все нет. А еще щипок на попе побаливает – сильно прижала меня какая-то тварь, но вот кто именно, разобрать в полутьме и гормоне невозможно.

Я быстро расставляю шашлыки и пиво, а потом стремительно покидаю помещение.

Выхожу в прохладную майскую ночь. Не могу сдержать слезы. Нет, мне не обидно за то, что меня трогали, мне больно потому что ОН меня не замечает. Конечно, кто я? Да никто, и звать меня никак. Ну зачем же я влюбилась в него? И как мне теперь выкинуть его из сердца?

– Вика? – раздается знакомый мужской голос, – Что ты здесь делаешь?

Глава 2. Случайная ночь

Даниэль Александрович Волков. Препоод по экономике. Чуть ли не по самому важному предмету на нашем факультете. Только с утра у него экзамен сдавала и вот пожалуйста! Видимо и он пришел, отметить окончание сессии.

– Что случилось, Вика? Вы плачете?

Даниэль Александрович молод. Ему двадцать пять или около того. И он... того самого. Поглядывает на меня во время лекций. Ну вы поняли. Не раз ловила его на рассмотрении собственного декольте и вторых девяносто. К другим же девушкам он холоден и равнодушен.

Но, справедливости ради, стоит отметить, что студентки во всю флиртуют с ним, строят глазки, пытаются зацепить. Еще бы! Симпатичный, молодой, высокий. Носит брендовые вещи. На дорогой тачке. Живет один в новостройке. Постоянной партнерши или жены нет. Отец у него то ли писатель, то ли издатель, в общем не на свою ВУЗовскую зарплату Даниэль Александрович шикует.

Вот и сейчас препода первым делом оглаживает меня недвусмысленным взглядом. Забирает у меня пустой поднос. Достает упаковку одноразовых платочков и протягивает мне один.

– Перестаньте плакать, Кудряшкина! Обидел кто? Кто? Скажите, я разберусь.

– Я... нет, все в порядке. Отдайте мой поднос, мне работать надо.

– Вы тут работаете? – удивленно округляет глаза молодой препод. – А это вообще нормальное место для такой красивой девушки?

– Место – как место, – пожимаю я плечами, успокоившись.

Чувствую, удирать надо. Препод не то что противен мне, он не привлекает меня, и я не собираюсь давать ему хоть какие-то намеки на нечто большее, чем отношения студентки-преподавателя.

Забираю поднос, быстро отхожу от Волкова.

– Надеюсь, еще увидимся! – Волков убирает руки в карманы брюк и ухмыляется, – Я буду сюда заезжать!

Вот еще! Только этого мне не хватало.

– Кудряшка, твою мать, тупая ты п... – ругается на меня менеджер, – куда свинитила? У нас аврал, а она курить убежала!

– Я не курю, – тут же сообщаю чистую правду. Не курю и не употребляю. И никому не советую.

– Заткнись, дура! Вон мажоры в шалмане кальян новый требуют. Быстро схватила и отнесла им!

Снова туда, к своим однокурсникам идти совсем не хочется. А с другой стороны меня очень тянет увидеть Рустама... Ведь впереди лето, и я не смогу видеть его до осени. Хватаю тяжеленный дымящийся кальян. Несу его к дорогим

одногогруппникам.

В комнате уже сизо от дыма. Интересно, куда в них столько влезет? Народу мало. Рустама уже не видно. Наверно вышли на улицу подышать свежим воздухом. А может Рустам уже уехал...

Я расстроена. Теперь не увижу его. А еще очень ревную. Вдруг подцепил кого и теперь ему предстоит веселая ночь... А мне... до утра тут с подносом бегать меж пьяных веселящихся рож.

Если бы я только знала, что меня ждет дальше, то лучше бы поймала такси и бежала с ночного клуба со всех ног!

Еще какое-то время кручусь пчелкой. Принимаю и отдаю заказы.

Усталость и недосып берут свое. Я просто на ходу засну, если нигде не прикорну. Отпрашиваюсь у злоющей менеджера в туалет. Та, со скрипом, но отпускает. Дает мне целых три минуты.

Три, так три. Сажусь на крышку унитаза. Опускаю голову на колени. Три минутки и выйду...

Открываю глаза.

Как-то подозрительно тихо вокруг.

Три часа утра!!! На мобильном тридцать пропущенных вызовов от менеджера. И следом смс, что я уволена. Вот это я прикорнула на три минуты... Разгибаю затекшую от скрученного положения поясницу.

Голова тяжелая, ничего не соображает. Умываюсь ледяной водой в раковине. Пью оттуда же – все пересохло в горле. Вроде, так лучше.

Одно единственное желание – добраться до общежития и спать! А уже поутру осознавать весь звездеч от произошедшего.

В клубе все так же играет музыка. Чокнутые люди никогда не спят... да и что удивляться – выходные, вот и отдыхает народ – оттягивается по полной. Попадаться на глаза своей менеджеру я не хочу, она мне, глаза эти повыщарапывает. Потом решу этот вопрос, приду, поплачусь, авось возьмет обратно. А сейчас пробираюсь в нашу раздевалку за сумкой и курткой.

Мне везет. В служебное помещение добираюсь в одиночестве. Беру свои вещи и даю деру оттуда.

В коридоре они меня и сцапывают. Сильные мужские руки! Я пикнуть не успеваю, как оказываюсь прижатой к стене. А на меня, навалившись сверху всем своим немаленьким весом смотрит... Рустам Громов!

Оторопело гляжу на любимого. Горло перехватило неожиданностью, так, что даже слово вымолвить не могу. Он большой, сильный, красивый... от его парфюма, с древесными свежими нотками у меня кружится голова. Колени подгибаются, а внутри живота, там где и сказать-то стыдно, зарождается сладкая теплая истома.

– Ты... – рычит, нагнувшись к моему уху Рустам, – вызови

мне такси, а то я ничего не соображаю.

Ух, вот это облом... Я-то думала, что он зажал меня, ну... потому что давно и тайно желал, а у него просто проблемы с вызовом такси... Но с другой стороны он настолько пьян, что на ногах не стоит, поэтому и навалился на меня. Жаль его. А если кто ограбит его, или избьет, или... так, стоп! Я не позволю, чтобы моему любимому причинили вред.

– Идем, я доведу тебя до диванов, – предлагаю я мажору свое цыплячье плечо. – Ты посидишь, а я вызову машину.

Рустам повинуется мне. Тяжело опускается на диванчик в зоне чилл-аута. Я заказываю такси. Машина обещает быть через пять минут. И что мне делать? Он в ж... пьяный! Ну доедет он на такси, а как домой дойдет? Надо бы довести его до квартиры.

А еще мне очень любопытно, как и чем живет тот, в кого я влюбилась.

– Ты со мной поедешь! – заявляет мне Громов заплетающимся языком.

Кое-как доталкиваю его до такси. Сажаю огромное мужское тело. Сама раздумываю несколько мгновений, сесть ли с ним, или нет, но горячая сильная лапа просто втягивает меня в салон автомобиля.

Плюхаюсь прямо на колени к Рустаму. Взвизгиваю и тут же пересаживаюсь рядом. Машина трогается. Рустам моментально наваливается на меня и... засыпает. И вот как я в таком состоянии его оставляю? Да таксист попросту обчистит

его как липку, еще и где-нибудь на улице ссадит. А сейчас хоть и май месяц на дворе, но ночи прохладные. Нет, не могу бросить парня. И не потому что влюбилась. Чисто по-человечески не могу. Где все эти шкуры и девки? Мажорки и подстилки? Где его друзья, которые накачали и бросили друга буквально в невменяемом состоянии?!

Нахрен таких друзей не нужно, вот что я скажу! А Рустама не брошу.

Такси привозит нас в модный крутой район. Другого я от Громова и не ожидала.

– У тебя есть ключи? – толкаю мажора, чтобы тот проснулся.

– Да, – хрипло рычит он.

Лезет в карман, сует пятитысячную купюру таксисту, и не дожидаясь сдачи выходит из машины, я же не собираюсь сорить деньгами, поэтому демонстративно жду, пока таксист, обзвав меня сквозь зубы собакой женского пола, все же отсчитывает мне сдачу.

Засовываю деньги в карман Рустаму.

– Себе оставь! – ухмыляется мажор.

– Нет, чужого мне не надо. – поспешно отказываюсь я. –

Идем, я отведу тебя до квартиры.

Мы заходим в шикарный подъезд. Мрамор. Занавеси. Колонны. Картины. Скульптуры... Все как в кино! Неужели люди в такой роскоши живут?! Да уж, это – не обшарпанные подъезды хрущевки, где кошками за версту несет.

Охранник за камерами приветственно улыбается Рустаму, а мне понимающе подмигивает.

– Отведу его до квартиры и спущусь, – зачем-то объясняю я.

– Иди, иди, видно, что ты не из «этих», – улыбается мне дядька.

Интересно, часто ли Рустам приводит в свою квартиру «этих»? Наверно, да... чем еще ему заниматься, молодому, красивому, свободному?

Рустам совершенно не стоит на ногах. В лифте он снова наваливается на меня. Ну хорошо, хоть рук не распускает. Использует меня в качестве опоры. Вытаскиваю его из лифта. Доходим до его двери. Всего лишь две квартиры на весь этаж... кстати последний. Вау! Да мажор оказывается в пентхаусе живет!

Рустам не может попасть ключом в дверь. Все же хорошо, что я его довела, а то бы так и свалился в своем роскошном подъезде прямо на мраморную плитку.

Забираю ключ, отпираю дверь. От тепла квартиры Рустам развозит еще больше.

– Фу, щас блевану! – жалуется мне двухметровый мажор.

– Нет, нет, стой! – кричу ему. – Где у тебя туалет! Быстро показывай!

Беру своего мажора подмышку, вернее он меня, потому что я едва достигаю середины его груди, и мы поспешно несемся в санузел. Попутно я пытаюсь стянуть с него доро-

гущую брендовую куртку, чтобы не заляпал.

Оставляю его в туалете, убедившись, что он ничего не испачкает. Сама, под малоприятные звуки оглядываю длинный коридор. Да уж, богато живут мажоры. Ничего не скажешь... в его квартире четыре моих общаги поместятся, со всеми комнатами и коридорами... Очень красиво, стильно, дорого. Мебель новая. Много техники. На полу ковры. Натуральные, не ковролин какой.

Возвращаюсь в санузел. Рустам, голый по пояс чистит зубы над раковиной.

Не могу оторваться от его спины. Широкая, раскаченная. В татуировках! А его бицепсы, поросшие коротким темным волосом! Покрытые brutальными татуировками. Рустам поворачивается ко мне, и я бросаю взгляд на его накаченный пресс! Восемь идеальных кубиков. И широкая мужская грудь. Тоже в татуах и волосах.

У меня дух захватывает, и уже откровенно простреливает низ живота. Он совершенный. Он – лучший из тех, кого я видела в своей жизни.

– Спасибо, что довела меня до дома, – хрипло произносит Рустам.

– Идем, уложу тебя в кровать, – только и могу пролепетать я, краснея, точно он не по пояс голый, а целиком.

Рустам, после освобождения желудка и чистки зубов идет более уверенно, но все равно опирается на меня. От его тела пахнет чистым мужским мускусом, несмотря на свою при-

родную волосатость, подмышками у него чисто, и мне это нравится. Парень соблюдает гигиену. Вот только с алкоголем перебрал сегодня, и организм непременно отомстит ему завтра жестким похмельем и головной болью.

Спальня у мажора – произведение искусства в стиле хайтек. Я никогда в подобной комнате не то что ни жила, не заходила даже. Вот что значит, когда есть деньги. Можно купить себе все самое лучшее – мебель, широченную кровать с ортопедическим матрасом... да уж, это не продавленная коробка, как у меня в общежитии, после сна на которой такое чувство, что всю ночь палками избивали.

Рустам, как ни в чем не бывало стягивает с себя джинсы, прямо с бельем. Я краснею еще больше и тут же отворачиваюсь. Там он тоже огромный... Ух, как стыдно, ну зачем я это увидела?!

Когда оборачиваюсь, Рустам уже сидит, прикрытый одеялом.

– Я пойду, – в замешательстве бормочу я.

– А ну стой! – хватает меня за руку миллиардер. – Останешься со мной!

Глава 3. Настоящее

Выхожу с тестом на беременность, растерянно врезаюсь в Веню.

– Кудряшкина, жучка такая, я чуть не обоссался! – выкрикивает он, отталкивая меня, а потом косит глаза на тест, – Ох ты ж елы-палы... – чешет в затылке. – Залет, Кудряшкина, поздравляю!

Да уж...

Залет.

Хуже не придумаешь!

Опираюсь на пыльный подоконник, всматриваюсь в мутное грязное окно общажного обшарпанного коридора. За стеклом в разводах бушует лето. Тепло и радостно. Зелень везде, птички поют...

А мне грозит ТРЫНДЕЦ!

На лето мне разрешили остаться в общаге. Как и тем студентам, кто живет далеко и на лето остался в городе, на работе или на практике. Мне не повезло и в этом, ведь трое других девушек, с кем я проживаю в одной комнате – тоже остались в Москве и нам так же тесно и душно в крохотной комнате. Представляю, что будет, если они узнают, что я беременна!

А Веня им скажет. Растрезвонит на всю общагу – к гадалке не ходи. А если в деканат донесет? Меня вообще выселят?

Интересно, выселяют за такое?

В кармане вибрирует мобильник. Будильник. Пора собираться на смену.

Да, в ночной клуб меня приняли обратно. После того, как я на следующий день с повинной головой пришла к менеджеру и слезно объясняла ей про аврал с экзаменами и недельным недосыпом. Так как это – был мой первый косяк, то на первый раз меня простили. И вот теперь я стараюсь изо всех сил, чтобы не накосячить снова.

Бегу в свою комнату. Тест прячу в упаковку с прокладками глубоко в тумбочке. Теперь они мне не понадобятся. Уже в ближайшие девять месяцев так точно. Натягиваю джинсы, а в голове все мысли вертятся вокруг моего залета. Даже не представляю, как отработаю сегодня.

С каждой новой мыслью я загоняюсь все больше и больше. Что мне делать с отцом ребенка? Нет, Рустам меня не принуждал. Той ночью я осталась у него добровольно. Он был нежен, заботлив и... мне конечно не с чем сравнивать, ведь мажор стал моим первым мужчиной, но он делал это так умело, что я получила наслаждение. Даже стыдно вспоминать про свои стоны и его довольную моими стонами усмешку.

И вот за ночь наслаждения приходится расплачиваться... Надо сказать мажору, что он станет папой. Но как?! Где мне его искать?! Ведь сейчас лето. Раньше я его хоть на занятиях видела, а теперь мы, получается встретились той ночью в последний раз и больше после этого не виделись. Я

позорно сбежала на утро. Мне стало стыдно, и я боялась, что мажор провел со мной ночь исключительно по пьяни. Я боялась, что он разозлится, прогонит меня, возненавидит... Нафантазировала себе бог знает, что, и дала деру из пафосного пент-хауса...

И как теперь идти к нему с тестом на беременность на перевес? А если он меня сейчас с лестницы спустит? Если не поверит? Если вообще не вспомнит, как провел со мной ночь?

Но это все меркнет по сравнению с другим, не менее глобальным трендецом: что если об этом узнают мои родители?! Черт, они убьют меня!

На работе снова как в тумане. Тошнит от запахов еды, от запахов мужчин, пьяных и потных, что трясутся в ночном клубе под громкую музыку...

Меня раздражает все: и громкая музыка, и тупые заказы, и вредная менеджер... В общем, токсикоз во всей своей красе!

А если сделать аборт? Наверно, еще не поздно даже для медикаментозного... Но! Это ребенок и Рустама тоже. Как Громов отреагирует на мою беременность?! Ведь я люблю его, и по сути мой ребенок – плод любви от желанного мужчины!

Рустам – здоровый, красивый, умный... у малыша будет хорошая наследственность. Да, будет очень трудно! Настолько, что я даже не предполагаю, как все это выведу! Но, если я все выдержу, то призом мне будет самый лучший малыш

на свете...

Время близится к трем утра. На дворе теплынь, впереди выходные и никто не собирается расходиться. Наоборот, молодежь прибывает и прибывает.

Концентрация отвратительных запахов и табачного дыма настолько плотная в основном зале, что я поспешно выбегаю на улицу – глотнуть свежего воздуха.

Вижу знакомый черный спортивный автомобиль, очень дорогой марки, и сердце мое начинается биться учащенно. Я узнаю этот автомобиль! Рустам! Неужели я снова увижу отца своего ребенка?

Из автомобиля вываливается компания, Рустам за рулем, а с ним известная мажорская кодла: Марьяна Касаткина, Юля Князева, Антон Годный и Армен Гороян. Наша университетская «элита».

Вижу, как на Рустама тут же вешается Марьяна, а он и рад обнимать ее за тощую талию. Что-то колет и сосет под ложечкой. Ревность? Наверно. Не наверно, а точно!

Я жутко ревную Рустама и к Марьяне, и к Юле, и ко всем остальным девушкам.

Компания весело продвигается в сторону клуба. Они громко смеются, обсуждают что-то, им легко и непринужденно, а я стою на крыльце и просто сгораю от ревности и неразделенной любви.

Наконец компания ровняется со мной.

– О, дура, привет! – зло ухмыляется мне в лицо Марья-

на, покрепче стискивая предплечье Рустама, будто права на него предъявляет и всем демонстрирует, кто тут хозяин Громовского тела.

Рустам проходит мимо, мешкается около меня. Смотрит как-то неоднозначно. Неужели вспомнил?! В ту ночь он был жутко пьян, и я не удивлюсь, если он забыл обо всем происходящем напрочь! 351196 багратионаа 55б

Вот он мой шанс! Или сейчас, или он снова надерется в своей мажорской компании, и я его больше не увижу.

– Рустам... – тихо окликаваю его.

Да, мне очень страшно, и стыдно, и вообще... но с другой стороны, я же не сама себе ребенка пальцем делала! Он тоже виноват! И тоже должен нести ответственность за мою беременность!

– Ты, охренела, дура! – возмущается Марьяна, стискивая мужское предплечье еще сильнее. – Пошли, Рустам, не обращай внимание на всяких неудачниц!

Рустам в замешательстве. А у меня уже слезы на глазах. Мне очень неприятна вся эта ситуация.

– Марьян, Юль, Армен, Антон, ребят, идите, я задержусь.

Парни спокойно проходят в здание, а девушки, точно две кобры шипят на Рустама, оскорбляя меня по матери.

– Идите, я сказал! – как рявкнет на них Громов.

Вздрагивают не только они, но и я.

Мы остаемся наедине. На крыльце слышна громкая музыка, что доносится из клуба. Постоянно кто-то заходит и вы-

ходит.

– Давай отойдем, где потише? – прошу я, гадая, помнит ли он про нашу совместную ночь, или нет.

Рустам кивает. Мы идем к его автомобилю. Рустам облокачивается на хромированный бампер, засовывает руки в карманы дорогих джинсов.

– Что надо? – интересуется настороженно, сведя вместе свои густые черные смоляные брови, глядя на меня хмуро, исподлобья.

Боже, мне так стыдно, что я сейчас сгорю... Он же мой однокурсник! И мой первый мужчина. И отец моего ребенка... почему же я, красная, как помидор перед ним?

– Говори быстрее, меня друзья ждут! – требует Рустам.

– Мы с тобой... переспали... – начинаю я пересохшими от волнения губами.

– Чего?! – хмурится Рустам еще сильнее.

Блин. Как я и думала. Он даже не помнит об этом.

– Серьезно, что ли?! – усмехается, будто не верит. А потом с интересом начинает разглядывать мою фигуру. С мужским интересом. Очень нахальным и бесстыжим интересом.

– А теперь я... я беременна!

Глава 4. Предложение мажора

– В смысле? А мне зачем говоришь? От меня что ли залетела? – по выражению лица Рустама невозможно понять его эмоций.

– Ты стал моим первым мужчиной, не помнишь? – мне так обидно, ведь лишение девственности для меня чуть ли не самое важное событие, а он даже не помнит, как разделил мою жизнь на «до» и «после».

– Так вот откуда эта кровь была... – чешет затылок абсолютно мужским жестом Рустам. – А я думал, поранился где.

Краснею. Очень стыдно, что не убрала после себя, но он спал на этой простыне и вытащить ее из-под огромного мужского тела, не представлялось никакой возможности. С другой стороны, у него осталось доказательство моей невинности. Может это обстоятельство хоть как-то повлияет на него?!

– Ладно. – Рустам шумно выдыхает воздух, раздувая крылья носа, точно жеребец. Лезет в задний карман джинсов.

Достает дорогое кожаное портмоне, отсчитывает десять стодолларовых купюр. Протягивает мне.

– Штука баксов. Думаю, будет достаточно.

– Достаточно для чего? – не понимаю я.

– Для аборта и на витамины после.

Смотрю на него, на купюры и не верю своим ушам.

– Но Рустам... это же ребенок...

– Слышь ты, – напрягается парень, даже ладони в кулаки сжимает, и костяшки пальцев белеют от напряжения. – Как там тебя?

Боже, он даже моего имени не помнит... Он – главный, первый мужчина в моей жизни, а я для него – не больше чем пустое место.

– Вика, Рустам, меня зовут, Вика. – чуть ли не плачу я.

– Так, вот, Вика! – сверкает на меня огромными глазами любимый. – Какой к черту ребенок?! Мне ни этот ребенок, ни ты сама не нужны! Я вообще тебя не помню!

– Это не отменяет того факта, что я беременна, и ты скоро станешь папой... неужели ты не рад? Ну хоть не много?! Это же новая жизнь, твое продолжение... – не могу поверить в то, что Рустам, мужчина в которого я тайно влюблена, оказался таким подонком на деле.

– Слышь, Кудряшкина, да, твоя фамилия?

Киваю. Хорошо, хоть фамилию помнит. Что не удивительно, ведь что в школе, что в универе, меня называли исключительно по фамилии.

– Кудряшкина, слушай сюда внимательно! Представь себя на моем месте. К тебе приходит мужик, которого ты не знаешь, не любишь, вообще без понятия, кто это, и говорит, что ты от него беременна. И требует от тебя родить этого ребенка. Твои действия?

– Рожу, конечно, ведь это же ребенок!

– Ну и дура.

Стою, опустив голову, даже не знаю, что на это сказать.

– Короче, берешь деньги? – снова тыкает мне в лицо тысячей долларов.

– Нет, Рустам, не могу убить ребенка. Может ты тоже остынешь, подумаешь...

– Так, все, мне надоело. – Рустам открывает двери своей шикарной ламбы, выкидывает купюры туда, не глядя, щелкает брелоком, ставя автомобиль на сигнализацию. – Хочешь рожать? Рожай! Я к этому ребенку не имею никакого отношения!

Разворачивается и уходит, оставив меня молча переваривать его решение.

Постояв немного возвращаюсь обратно на рабочее место. Вокруг шумно, впрочем, как всегда. И я, как мешком оглоушенная после слов Рустама.

Черт, надо все это отпустить и постараться сосредоточиться на работе.

– Вот ты где, Кудряшкина! – начинает отчитывать меня менеджер, – Куда опять свинтила?! Не видишь, что у нас миллиард гостей? Только еще пропади мне, вылетишь ракетой отсюда!

– Да, простите... – виновато прошу я.

Мне еще работу потерять для полного счастья не хватало.

– Там твои мажоры собрались, иди к ним, обслуживай!

Беру блокнот, ручку. Делю глубокий вдох. Как смотреть в глаза Рустаму после всего, что он мне наговорил, не представляю.

Делаю глубокий вдох и вхожу к однокурсникам в отдельный закуток. Как всегда, знакомые пьяные наглые рожи. Марьяна Касаткина на коленях у Рустама, ладонью перебирает его короткие густые волосы. Но он не балдеет от этого, а сосредоточенно и хмуро смотрит в экран смартфона.

Юля Князева во всю флиртует с Армэном, Антон же с нескрываемым превосходством глядит на меня.

Молча останавливаюсь перед ними. На Рустама не смотрю. Вообще глаз от блокнота не поднимаю.

– Че молчишь? – начинает Антон издевательским тоном. – Меню тащи, подавальщица!

Не смотря на хамский тон Годного, Антон прав, про меню я совершенно забыла. Молча разворачиваюсь, чтобы принести книги. Кто-то снова щиплет меня за зад.

Оборачиваюсь возмущенно. Ну что за детский сад? Вроде взрослые парни.

– Что случилось, подавальщица? – в наглую разваливается Антон. Остальные глупо ржут, точно это – прикольная шутка.

Рустам никак не реагирует на происходящее. Прячется в телефоне еще глубже.

Решаю не реагировать тоже. Раз ему пофиг на то, что оскорбляют мать его ребенка, то мне и подавно. Выхожу за

меню. Возвращаюсь обратно.

– Почему только два? – брезгливо берет Юля пухлую папку. – Остальные как заказывать будут?

– Меню больше нет. – спокойно сообщаю я.

– Мне не нужно меню, – приходит мне на выручку Армен, единственный, из них, кто настроен ко мне нейтрально.

– У меня тоже аппетита нет, Юль, не пыли. – не отрываясь от экрана буркает Рустам.

– Когда будете готовы сделать выбор, я подойду к вам. – без тени улыбки сообщаю я змеям.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но Антон грубо хватает меня за локоть, и тянет на себя.

– Останься с нами! – плюхает он меня на свои колени. – мы же однокурсники! Смотри, у пацанов есть девки, а я на сегодня свободен! Составишь мне компанию?

Антон – противный, отбитый на всю голову мажор, и если Рустам при всех тех же исходных данных работает, помогает отцу в бизнесе, то Антон – просто транжирит папенькины деньги налево – направо.

– Я на работе! – беспомощно барахтаюсь на его коленях, пытаюсь встать, но он по-хозяйски кладет свою лапу мне на грудь, и сдавливает, через белье и блузку.

– Ух какие! Двочка! Торчит! Как я и люблю! – перемежая сальные комплименты со ржачем, говорит Антон.

Рустам бросает на все это злобный взгляд.

– Отпусти ее Тоха! – рычит Громов.

– Да че ты, Руся? Зачотная телка! Зачотные сиськи!

– Отпусти, я сказал! – рявкает Рустам.

Антон, будто не слышит его. Он сильный, и полностью контролирует меня, пришпилив к своим коленям. Пытается задрать мне юбку. Бью его по рукам, на что получаю звонку оплеуху по щеке.

Закрываю лицо руками.

– Тоха, мать твою, ты охренел что ли?!

Рустам, скидывая Марьяну с колен направляется в нашу сторону. Снимает меня с Антона, отставляет в сторону. Антона же приподнимает за шкурку и одним ударом отправляет того в Нирвану.

– Ссыкло чертово! – комментирует сквозь зубы.

Потом хватает меня, заплаканную и побитую за руку, тянет вон из закутка.

Покорно иду за ним, безмерно благодарная за то, что он все же вступился за меня перед своим мразотным другом.

Глава 5. В клинике

– Куда мы? – понуро иду вслед за Рустамом.

Мажор останавливается. В коридоре пустынно, но из помещения доносится рев музыки и веселой толпы.

Громов прислоняет меня к стенке, наваливается сам.

– Послушай, Кудряшкина! – всматривается он в мою пострадавшую скулу. – Ты беременна моим ребенком. Пони-
маешь?

– Рада, что и ты это понял, – признаю я.

– Ты работаешь в полном отстое! Здесь пьют, курят, и еще бог знает, чем занимаются! Ты дышишь этой гадостью ежедневно. Ты ночами не спишь, потому что на смене работаешь. Ты живешь в полной параше, в своей сранной общаге! Ты не питаешься полноценно, потому что у тебя бабла нет!

Интересно, к чему он клонит? Пытливо смотрю на него снизу-вверх. Неужели помощь свою предложит? Честно говоря, ему, с его финансами, ничего не стоит хоть немного помочь мне, чтобы вырваться из этого порочного круга. Чтобы на самом деле полноценно питаться мясом, овощами и фруктами, покупать себе витамины для беременных... космических денег это не стоит, но хотя бы на момент моей беременности, пока я вынашиваю его ребеночка, он мог бы и помогать... Это потом, когда я встану на ноги и вернусь к работе, он может прекратить, но сейчас его помощь была бы

как никогда кстати.

– Тебя может завалить и облапать каждый первый пацан! – не унимается Рустам. – А у тебя мой ребенок внутри!!! Кого ты родишь в итоге! – как рявкнет на меня.

– Послушай, но... у меня нет возможности изменить все это. – шмыгаю я носом.

– Есть! – орет на меня в открытую. – Сделай аборт! Пожалей и дитя и меня... и себя, дурную тупую звезду!

Его слова больно бьют меня... даже больнее, чем его друг несколько минут назад.

Значит вот какой вывод делает мажор из всего произошедшего... лучше не решить проблемы матери своего ребенка, а вообще избавиться от этого ребенка... Это ужасно! Опускаю глаза в пол. Отталкиваю от себя Рустама.

Обхватываю себя за плечи и понуро иду обратно, в сторону зала.

– Кудряшкина! – кричит мне в спину Громов. – Поехали!

– Куда? – вяло интересуюсь я.

– Поехали, покатаемся.

– Не хочу. – дергаю я за ручку, чтобы войти в шумный пятничный бедлам.

– Твою мать! – ругается Рустам сквозь зубы.

В один прыжок оказывается возле меня, и захлопывает двери перед моим носом обратно.

– Поехали, пообщаемся. – говорит он смягченным тоном.

Утром подскакиваю в одиннадцать, как ошпаренная. В шесть утра пришла со смены и улеглась спать. Вчера мы с Рустам конечно же никуда не катались, иначе меня бы попросту вышвырнули, не заплатив за смену.

В полдень мы с мажором договорились встретиться и все обсудить. Кроме того, съездить в клинику и подтвердить беременность на УЗИ.

Плохо соображая, что к чему, бегу в общий общажный душ. На скорую руку мою голову, чищу зубы.

В комнате орудую феном, чтобы высушить копну выющихся волос. Особой укладки мне не требуется – волосы пышные за счет кудряшек сами по себе. Честно говоря, мне очень хочется выглядеть привлекательной в глазах Рустама. А вдруг я ему хоть немного понравлюсь, и он согласится принять участие в жизни собственного ребенка? А еще Рустам, не смотря на свое отношение ко мне и к моей беременности все еще остается любимым для меня человеком, первым и последним мужчиной в моей жизни.

Поэтому не обращаю внимания на тошноту, недосып и то, что не успеваю завтракать, замазываю бледность косметикой, слегка трогаю губы помадой. Смотрю на себя в зеркало и остаюсь довольной. Надеюсь, Рустаму тоже понравлюсь в подобном виде.

Гляжу на часы и все обрывается в груди: полдень!

Ах как же я надеюсь, что Рустам сам не проспал или передумал. Выглядываю из окна. Стоит! Черная спортивная лам-

ба! Крутой каплевидной формы. Стекла сплошь затонированы черным, и непонятно, что творится в салоне.

Сердце начинает биться учащенно. Я хватаю сумку, паспорт, и салфетки, на всякий случай. Спускаюсь вниз. Ведь не хочу заставлять любимого долго ждать.

Перед автомобилем застываю в нерешительности. Дверца сама распаивается передо мной.

Рустам кивает на переднее сидение рядом с ним.

Впервые сажусь в его крутую Ламбу. Подобные автомобили я видела разве что в инстаграме богатых мажорных деток, и никогда в живую не бывала внутри. А здесь очень комфортно. И пахнет приятно.

Роскошный удобный премиум-салон из красной натуральной кожи. Все дорого-богато и очень удобно.

Я не знаю, как пристегнуться. Чувствую себя неуклюже уткой, не в своей тарелке. До этого я обычно ездила только в маршрутках да в троллейбусах, а тут сразу спортивный роскошный автомобиль!

Рустам закатывает глаза и, нависая надо мной, помогает пристегнуться. У меня все внутри замирает от его близости и от его крышесносного запаха! А пахнет Рустам – просто закачаешься, очень вкусные мужские духи: древесные, цитрусовые и свежие нотки, а еще его собственный мускусный запах... который я помню со времен той ночи.

Рустам молчит. Слова не проронил... И я молчу. Просто не знаю, что сказать. Мне очень стыдно. И ужасно чувство-

вать себя зависимой от него.

Рустам включает музыку. Негромко. Он любит скорость, но когда ему приходится тормозить на светофорах, или соблюдая дистанцию, меня мутит и резко не хватает воздуха.

– Что с тобой? – хмурится Громов.

А нет, я ошиблась, значит поглядывает на меня, раз заметил мое состояние.

– Можно немножко окно открыть? – прошу я.

– Ты вся зеленая. – опускает стекла мажор. – смотри мне салон не заблуй! Одни траблы от тебя!

От его слов мне становится еще хуже.

– Останови... – шепчу я.

Рустам снова резко жмет на тормоз, паркуясь у обочины. Расстегивает мой ремень. Я еле сдерживаюсь. А потом открываю дверцу, выбегаю в кусты, и меня выворачивает на изнанку.

Чувствую себя при этом ужасно. Голова кружится, перед глазами летают точки.

– Свалилась на мою голову!!! – зло цедит Рустам выходя из машины. – А то у меня мало проблем по жизни! Твоей ублюдской беременности только не хватало для полного «счастья»!

Если бы не мое ужасное состояние, то просто бы ушла от него, хлопнув дверью его роскошного автомобиля. Но я боюсь просто элементарно в обморок упасть, поэтому, когда Рустам грубо произносит:

– Закончила? Быстро в машину! У меня еще совещание в три! – я покорно возвращаюсь обратно.

Рустам привозит меня в крутую пафосную клинику. Меня уводят на анализы – берут кровь и прочее прочее. Рустама со мной нет. Очень надеюсь, что он сидит в коридоре, а не просто уехал, бросив меня тут одну.

И не то, что бы мне нужен компаньон для похода по врачам, просто если он уехал не оплатив эти услуги, то мне придется туго...

Но нет, я зря переживаю. После процедурного кабинета возвращаюсь с зажатым локтем – брали кровь из вены, а Рустам нервно переписывается с кем-то в мессенджере.

Меня тут же пронзает стрелой ревности – неужели со своей девушкой... С Марьяной, например?

– Давай на узи! – не поднимая глаз требует Рустам.

– А ты со мной не пойдешь? – позволяю себе поинтересоваться я.

– Что я там не видел?!

– На ребенка нашего посмотришь...

– Слушай, Кудряшкина, я не хочу сейчас никакого ребенка. От тебя тем более. Давай сама. Шевели лапами.

Ну хотя бы не уехал, и то хорошо. Покорно дожидается меня и результатов.

Вхожу в затемненный кабинет ультразвукового исследования. Меня всю трясет и колотит.

– Раздевайтесь, прилягте, – улыбается мне узистка. – Все

пеленки одноразовые, так что смелее.

Очень волнуюсь и переживаю. А вдруг я не беременна вообще, а все изменения в моем организме – не более, чем гормональный сбой после первого полового акта???

– Будем делать транс-вагинально. – надрывает фольгированный прямоугольник специалист, раскатывает латекс по датчику.

– Это как? – пугаюсь я.

– Расслабьтесь, – улыбается женщина. – не бойтесь, вот так. Такое исследование показано на ранних сроках, когда абдоминально увидеть почти нельзя.

Я стараюсь дышать через нос. Выравниваю дыхание как могу.

– Отлично. Вижу беременность.

Несмотря ни на что я радуюсь. Ведь это же... чудо! Новая маленькая жизнь...

– Но...

Все замирает в груди.

– Есть подозрение на внематочную...

– Что?! – пугаюсь я еще больше.

– Придете через неделю, я скажу точнее. – убирает датчик узист. Одевайтесь.

Я стираю гель салфетками и пытаюсь осознать, переварить ту информацию, что сообщила мне врач.

– А внематочная беременность, это как? Это опасно? – пугаюсь я.

– Я напишу заключение, – отмахивается от меня специалистка, – а гинеколог все разъяснит.

Чувствую, как у меня все леденеет изнутри.

Узистке приходит блямканье на телефон. На секунду она сощуривается, будто ухмыляясь, а потом снова углубляется в писанину.

Одеваюсь достаточно быстро, и с заключением на руках выхожу к Рустаму.

Тот пытливо, даже слишком пытливо смотрит на меня.

– Ну что? Есть беременность?

– Есть... – тихо отвечаю. – Но... есть и проблемы.

– А я о чем говорил! – тут же огрызается Рустам. – Я был дико пьян, это беременность по любасу кривая! Надо бортануться и все! Ни я тебя больше не побеспокою, ни ты меня!

У меня слезы на глазах, мне так обидно. Весь мир рушится вокруг меня, а я поделаться ничего не могу...

– Успокойся, пойдем к врачу. – предлагает Рустам, – пусть даст направление на аборт. Родишь нормального ребенка потом, когда придет твое время.

Глава 6. Таблетка от всего

– Присаживайтесь, молодые люди! – расплывается в улыбке молодая приятная женщина, Нина Васильевна, как написано на табличке кабинета, ведущий гинеколог данного заведения. – Рустам, как чувствует себя ваша матушка после операции?

Кошусь на Рустама. Ого, у него оказывается мама операцию перенесла. По-женски скорее всего, раз интересуется именно гинеколог. Интересно, что еще происходит в жизни отца моего ребенка, о чем я не имею никакого понятия, даже отдаленно?

– Все хорошо. – буркает Рустам себе под нос, а вот у нас, – кивает на меня, – не очень.

– Ничего, разберемся, – нежно улыбается ему врач, а потом обращается ко мне: – давайте ваши анализы.

Я протягиваю документы. Врачу хватает одного беглого взгляда на них, и она предлагает мне раздеться для осмотра на кресле.

Кошусь на Рустама. Тот все продолжает терзать свой телефон.

– Не переживайте, кресло за ширмой, – хмурится врач. – Смелее.

Прохожу за ширму, снимаю джинсы и трусики.

Кресло застелено одноразовой пленкой, сажусь. Очень

неудобно. Стыд опалает мои щеки. А еще близость Рустама, ведь нас разделяет всего лишь тонкая преграда, не придает мне храбрости.

Но мажору, судя по всему абсолютно фиолетово на меня. Врач надевает одноразовые перчатки, начинает осмотр.

– Ну, тут аборт стопроцентный! – заявляет она. – Даже неделю не надо ждать.

Все обрывается внутри меня, в который раз.

– Доктор... а хоть малейшая возможность есть сохранить эту беременность?

– Как вы собрались сохранять внематочную? – смотрит на меня доктор, как на идиотку.

Сажу на кушетке в каком-то то ли процедурном, то ли стационарном кабинете. Мне дали таблетку и стакан воды. Приказали выпить. Мол таблетка запустит процесс избавления от беременности.

Рустам свалил в закат на свое совещание. Он бросил мне напоследок, что все оплачено, и чтобы я не глупила, а сберегла свое здоровье и не доводила внематочную беременность до удаления трубы.

В процедурной жутко холодно, хотя сплит-система работает на тридцатиградусное тепло. Просто холод внутри меня сковывает и снаружи.

Внематочная беременность... ну надо же... Я раньше слышала про такое, но смутно. И так как врачи мне толком ни-

чего не объяснили, то лезу в сеть. Надо же знать врага в лицо.

Так, статьи. Выбираю себе покороче, с яркими картинками матки, отходящих труб и сгустка клеточек внутри.

Так, внематочная беременность – это патологическое состояние, когда плод прикрепляет не в матке, а в самой трубе. Логично. Требуется немедленного оперативного вмешательства. Обычно применяют метод лапароскопии. Такая беременность не выживает ни при каких обстоятельствах...

Отставляю телефон. Обнимаю себя за живот. Бедное мое нарождённое дитя... ну это же надо было в трубе прикрепиться? Вот чего ж ты до матки не дополз?!

Беру таблетку. Ну все... с внематочной шутить нельзя. Иначе вообще потом родить не смогу.

Какая-то смутная мысль тревожит меня. Еще раз набираю в поисковике. Операция лапароскопии. Почему мой мозг так цепляется за это?!

Смотрю на таблетку. В телефон. Снова на таблетку.

И вдруг до меня доходит!

Какая, нахер, таблетка при внематочной беременности?!

В статье черным по белому сказано: операция! То есть сейчас врачи должны были направить меня на лапароскопию, но никак не травить экстренным контрацептивом!!!

От осознания этого ужаса мне становится плохо. Я решительно беру телефон, сумку и подхожу к двери, чтобы потихому свалить из элитной дорогущей клиники, решившей дуру из меня сделать. Я лучше в свою пойду, студенческую,

самую обыкновенную, и там все перепроверю.

Тянусь к ручке двери и слышу... как в предбанник кабинета заходят Нина Васильевна и узистка. Узнаю их по голосам.

– Сколько он тебе дал?

– Десять тыщ баксов.

– Да, и мне, столько же. Ради такого дела и рискнуть не страшно – вылечу отсюда, найду клинику получше, а тачка со мной останется.

– Вот-вот, а я давно в Доминикану мечтала слетать. Подем с мужем. Только дурочку эту жалко. У нее там походу, двойня! Рустамчик вон сразу двойней прыскает в девок, не удивительно, такой бык здоровенный, и в штанах у него наверняка есть чем девок привлечь.

Ни жива, ни мертва я стою с поехавшей вниз челюстью.

– А что тебе ее жалко?! Попрыгала на огурце нашего Рустамчика, и вуаля: Жизнь в шоколаде! Ух надоила бы с мальчика, а учитывая, что там двойня – в двойном размере. Такие как эта девка – хитровыделанные. Своего не упустят.

– Да, видала ее паспорт? В каких-то Сосенках прописана, хрен знает где, и где ее только Рустамчик отыскал?!

– Это не важно. Важно то, что Рустамчик оказался очень продуманным мальчиком. Это же надо додуматься! Комар носа не подточит. Внематочная беременность – шах и мат хитрющей девице!

– Это еще раз подтверждает одну важную мысль: на каж-

дую хитрую гайку найдется свой болт.

– Это точно, Нинок, пошли кофе пить!

– Пойдем!

Голоса в предбаннике стихают, а я стою, как молнией про-
шитая, пытаюсь осознать: это что сейчас было?!

Глава 7. Это двойня

Выбегаю на улицу как пришибленная. Таблетку выкинула в окно и как ни в чем не бывало вышла из этой адской мажорной клиники.

У меня двойня!

ДВОЙНЯ!!!

Два ребенка!

Значит вот, как Рустам поступил со мной... Двоих здоровых детей решил абортить.

Я на полном автомате иду на автобусную остановку, понурив голову. Розовые очки разбиваются в дребезги с каждым шагом.

Я не нужна Рустаму.

Я – нищая приезжая девочка из провинции.

Подавальщица.

Это я все прекрасно знаю. Но дети!

Двое детей!

Как он мог так просто отдать приказ, чтобы избавиться от них!? Ведь что узистка, что гинеколог наверняка сообщили ему про двойню, а он так запросто... собственных детей... Никогда не прошу ему это! Видеть его не хочу больше! Чтоб он провалился, бесчеловечный выродок! Мажор хренов!

Сажусь в подъехавший автобус. Еле сдерживаю слезы. Стыдно рыдать перед чужими людьми.

Зато дома, в общаге меня ждет сюрприз:

– Кудряшкина! – мои соседки от возбуждения чуть ли не по потолку бегают. – Кудряшкина, мать твою, почему трубку не берешь?!

– Мы обзвонились тебе!

– Куда пропала?!

Часто моргаю, чтобы убрать слезы из глаз. Лезу в сумку. Мобильный и правда разрядился, вчера всю ночь работала, а потом после короткого сна была в клинике. Вот и вылетело из головы, что нужно телефон заряжать время от времени.

– Кудряшкина, ау! Очнись! – тормозят меня за плечи соседки.

Нам сам проректор звонил!!!

– Зачем? – без особого энтузиазма спрашиваю я.

– Хрен его знает! Собирай ноги в руки и чеши к нему! Он ждет тебя!

Ну вот... только этого не хватало. Неужели Веня или кто-то другой уже сообщили о моей беременности? И что он мне сделает?! Из общаги попросит? Из универа? А вообще выгоняют ли из универа за беременность?!

Из универа, может и нет, а вот из общаги...

– Вика! Да что с тобой? – тормозят меня соседки. – Ты понимаешь, что тебя сам Павел Викторович вызвал?! Иди быстрее, мало ли что случилось?!

– Да. Сейчас пойду.

И хотя я очень хотела пообедать, но все мысли о еде мо-

ментально улетучивались, по мере того, как я осознала, что меня ждет дальше.

Я беременна двойней.

За спиной первый курс универа.

И сейчас меня исключат.

А у меня папа больной. Родители в деревне с хлеба на кефир перебиваются. А тут я. Еще и с двойней в подоле свалюсь им на голову... И от Рустама я теперь не то, что поддержки ожидаю, а даже наоборот, побаиваюсь его. И как мне это все вывезти?!

Иду к Павлу Викторовичу как на эшафот. Он обитает в главном учебном корпусе, что через дорогу от нашего общежития.

Захожу в здание, поднимаюсь на нужный этаж. Дверь в приемную приоткрыта, и вместо секретарши там сидит... Веня!

Значит все-таки Веник намел на меня тень-на плетень.

Ах ты ж твареныш недоделанный!

– Кудряшкина, мать твою! Где тебя так долго носит?! – поднимается Веня мне навстречу.

– Что тебе нужно?

– У меня к тебе дело, Вик! Серьезное! – надо же, первый раз вижу этого шалопаю таким решительным.

Гроза общаги, а также ее душа и главный заводила всяких приколов, Веник создал себе образ расхлябанного раздолбая, и я обычно ломала голову, ну как его до сих пор из

общаги не выперли, и как он держится в универе, ведь прогульщик первый.

– Папаша твоего ребеночка слился? Ведь так? – возбужденно опускает Веня руки на мои плечи.

– С чего ты это взял? – скидываю с себя его грабли, но он не обращает на это никакого внимания.

– С того, что я ни разу не видел ни одного пацана рядом с тобой.

– Почему вообще тебя волнует эта тема, и почему ты разговариваешь со мной об этом в приемной проректора?! – недоумеваю я.

– Понимаешь, Вик, тут такое дело... В общем... э-э-э... – краснеет Веня и лезет в карман.

Я злюсь. Происходит полная фигня, если честно, и я совсем не понимаю, что происходит.

– В общем, – Веня достает обтянутое бархатом сердечко и раскрывает его.

На темной обивке коробочки блестит тоненький ободок дешевого золотого колечка.

Я совсем сбиваюсь с толка.

– Вик, ты выйдешь за меня? – протягивает он мне коробочку.

– Ты с дуба рухнул?! – искренне недоумеваю я. – Зачем тебе девушка с прицепом?!

– Ты даже не представляешь себе, насколько мне нужна именно девушка с прицепом!!! – в отчаянии выдыхает Веня.

– Вениамин! – слышится густой бас из-за двери проректорского кабинета, – Хватит идиотничать! Бери свою невесту и иди сюда!

Это что вообще происходит? Мир сошел с ума? Или я до сих пор не проснулась? Ах вон оно что. Мне сон снится. Тогда все понятно.

– Пошли, Вик, не тормози. И, это. Колечко напяль.

– Не собираюсь! – гневно возвращаю ему коробок.

– Кудряшкина! – торопит меня голос Павла Викторовича. – Зайдите!

Мы оба, точно провинившиеся котята заходим в кабинет проректора, на ковер.

– Она не хочет, пап... – понуро опускает голову Веник.

Папа?! Веник, этот вечный шалопай, бездельник, прогульщик и бабник – сын проректора Университета?! Да быть того не может...

– А ты нормально попросил? – сдвигает брови к переносице грозный проректор.

– Конечно, – шмыгает носом Веник.

– Подождите, подождите! – останавливаю я мужчин. – Ничего не понимаю. Веня, ты сын проректора?!

– Да уж... – вместо сыночка отвечает Павел Викторович. – имел я неосторожность кхм... иметь с его матерью связь. Вот и вышло это недоразумение.

– Че это сразу недоразумение? – обиженно хлопает носом Веник. – Кто с мамулей чикиприбамбонился? Ты? Так будь

добр теперь...

– Заткнись, щенок! – немедленно одергивает паренька Павел Викторович. – Вот так, юная барышня, – обращается ко мне проректор, – за пятнадцать минут удовольствия, расплачиваюсь всю жизнь. А позвал я вас сюда вот для чего. Вы беременны? Это подтверждено справкой?

Проректор смотрит на меня не отрываясь, будто дыру прожечь хочет.

– Есть... – сглатываю я под этим взглядом.

– Отлично. – слегка сглаживаются его заостренные черты. – Тогда у меня к вам предложение. И судя по тому, что вы теперь в курсе нашей страшной семейной тайны, отказать мне вы не сможете!

Глава 8. Двойной сюрприз

– В чем дело? – трясу я головой.

– Спокойно, Виктория Викторовна, Вика, присаживайтесь сюда. – тон Павла Викторовича теплеет.

Проректор поднимается с кресла, проходит к двери, плотно закрывает ее. Возвращается ко мне, указывает на диванчик в зоне отдыха.

– Вениамин, налей девушке воды, не стой столбом. А может быть вы хотите чаю, или чего-нибудь еще? – снимает очки грозный проректор, опускаясь в рядом стоящее кресло.

– Нет, спасибо. Я-а лучше послушаю, что все это значит.

Проректор кивает и заводит длинный рассказ.

Оказывается, Веник достал не только всех в общаге и универе, но еще и самого Павла Викторовича. Он устал прикрывать большие и малые шалости тайного чадушки, которому как назло никак нейдет. Нет, Веня в душе добрый, но дурной. И эта дурость никому покоя не дает.

И когда проректору на глаза попалась очередная информация по обмену студентов, его тут же пронзило озарением: отправить беспокойное чадушко в Америку. На целых два года. По программе обмена студентов. Авось он там идиотничать перестанет, язык подучит, ну и просто на другую жизнь посмотрит.

– А я-то тут причем?! – искренне не понимаю я.

– Дело в том, что обмен с каждым годом ужесточается. Ежегодно добавляются все более идиотские требования. И вот в этом году апофеозом стала преференция... брать на обмен женатых студентов. А если они готовятся стать родителями, то попадание – девяносто девять процентов!

С ужасом смотрю на проректора. Мысли летают в моей тяжёлой голове, никак не устаканиваясь.

– Ты поняла наш план, Вика?!

– Да. То есть нет. То есть не знаю. – проговариваю я весь спектр своих эмоций.

– Вениамин женится на тебе. Из-за беременности вас должны расписать без очереди. Далее, вы подаете заявления на обменную программу, предоставляете справку о том, что скоро будете родителями, и едите в Америку, на целых два года! На полный пансионат, плюс стипендии от Университета!

– Я не понимаю, зачем мне это надо... – бормочу я себе под нос.

– Это твоё будущее, Виктория! Ну откуда ты там родом? – кивает на папку с моим личным делом проректор: – из Сосенок. Родители далеко не олигархи. Ну, когда у тебя будет еще возможность поехать на целых два года в Америку?! К тому же, родишь ребенка именно там, – подмигивает мне Павел Викторович. – Понимаешь, да, какие перспективы это тебе открывает?

– У меня двойня. – обморочным голосом открываю я кар-

ты.

– Что?! – переглядываются отец и сын.

– Сразу двое детей. – злюсь я, – Не слышали о таком феномене?!

– Это сути не меняет, – быстро берет себя в руки Павел Викторович. – Веня не пойдет в армию, если все же вылетит из Университета, а ты, Вика, получишь серьезные выплаты. Но это еще не все. Если ты согласишься, то я обеспечу тебя жильем.

– В смысле? – не понимаю я.

– У меня есть квартирка. Однушка в Москве. От бабушки досталась. – продолжает соблазнять меня Павел Викторович. – По приезду из Америки вы не разводитесь, чтобы Вениамина не забрали в Армию, в случае чего. Но ты не требуешь с него никаких алиментов или участия в воспитании детей. За это получишь целую однокомнатную квартиру в Москве. Я оформлю куплю-продажу на твое имя, сделаю ремонт в пределах разумного, пока вы будете на стажировке, и это будет наша плата тебе за помощь.

– Послушайте... но я не люблю Веню! А он меня терпеть не может...

– А вам не обязательно любить друг друга. У вас сделка. Договор. Контракт. Как хочешь называй. Ни о каких чувствах речь не идет.

– Соглашайся, Кудряшкина! – с мольбой в глазах канючит Веня. – Вместе поедим в Америку! Лас-Вегас, Гранд-Ка-

ньон, Нью-Йорк, Голливуд... Мир поведеаем! Ну классно же!

У меня самой кружится голова и захватывает дух от всех этих перспектив, но болезнь папы заставляет спуститься с небес на землю и простонать:

– У меня папа больной. Родители не работают. Я им деньги каждый месяц посылаю... Как я смогу...

– Сколько ты ему посылаешь? – прерывает меня Павел Викторович.

– По-разному. От заработка зависит. В среднем пятнадцать тысяч в месяц.

– Пятнадцать ты-ы-ысяч, – протягивает проректор, почесывая аккуратную бороду, -это по курсу, где-то примерно двести баксов. Брось, Кудряшкина, у тебя будет такая стипендия, что запросто родителям сможешь присылать эти деньги, и еще откладывать на будущее! Ведь девушка ты экономная, хозяйственная, скромная! Вениамину так повезло с тобой. И это я без шуток. Тебя нам просто судьба послала.

Глава 9. Свадьба с Вениамином

– Согласны ли вы, Вениамин Павлович Алешин взять в жену Викторию Викторовну Кудряшкину? – обращается представительная тетя – сотрудница ЗАГСА.

– Да! – радостно ухмыляется Веник.

Уже небось предвкушает увидеть тебя среди небоскребов Нью-Йорка.

– Согласны ли вы, Кудряшкина Виктория Викторовна выйти замуж за Алешина Вениамина Павловича?

Я сглатываю. И хоть вся эта церемония – не больше чем фикция, но мне все равно не по себе. Ну как можно выйти замуж за чужого по сути человека?

Перестань! – одергиваю сама себя. Никто тебя не заставляет ни спать с этим человеком, ни иметь какие-либо другие отношения. Ах если бы на его месте только стоял Рустам... Но этого никогда не будет. Я не нужна ему, точно так же, как и мои дети. Поэтому нужно самой брать ситуацию в руки и думать о перспективах. Хотя бы о том, что по приезду, через два года, у нас с ребяташками уже будет собственное жилье.

А еще Веник, как бы странно это не звучало, прикроет мою беременность, и никаких вопросов ни у кого больше не возникнет. Даже у родителей.

– Виктория Викторовна? – удивленно подталкивает меня тетя.

– Да. – говорю, точно в омут с головой бросаюсь.

– Согласны?

– Согласна.

– Именем закона, объявляю вас мужем и женой!

Мы ставим подписи.

Обмениваемся кольцами. Теперь на моих пальцах красуются аж два украшения – то первое, яко бы помолвочное кольцо, и второе – настоящее обручальное. Ох, и ругался Павел Викторович на Веника, за то, что тот, первое неправильное купил, а затем, махнул рукой и сказал, чтобы я носила оба колечка, в качестве подарка от проректора.

– А теперь жених может поцеловать невесту. – напоминает о своем существовании сотрудница ЗАГСа

Нет, чего это? Мы на это не договаривались.

Веник растерянно смотрит на меня. Я однозначно качаю головой, что против. Ни в какие физические контакты мы с ним не вступаем. Это оговорено и является частью нашего договора.

– Ну что, женушка? Поздравляю тебя! – светится Веник медным тазом, едва мы покидает здание дворца бракосочетаний. – Как на счет первой брачной ночи? А?

Я вижу, что Веник прикалывается, но все равно такие шуточки надо пресекать на корню:

– Даже не думай об этом!

– Ладно, ладно!

– Я серьезно, Вениамин.

– Да понял я тебя.

– Нет, послушай, – останавливаю я его и делаю внушение глаза а глаза, – У нас с тобой чисто деловые отношения. Никакого интима между нами не будет. Ты понял?

– Угу.

– Все, свободен!

– Вредная ты, Кудряшкина! – обиженно произносит Веня. – В реальности я бы фиг на тебе женился.

– Ну и слава Богу, – не остаюсь я в долгу.

В аэропорте как всегда шумно, людно, суетно. У нас с Веней много вещей на двоих – шутка ли, на два года уезжаем! Веня безоговорочно таскает мои чемоданы, не разрешая поднимать ничего тяжелее моей дамской сумочки. А еще заботится обо мне. Ничего особенного, но то за чаем сбегает, то гамбургер принесет.

Вроде добрый парень. Нет, не надо думать, что у меня есть какие-то виды на него или планы, ну просто он мой муж, пусть даже и фиктивный, и лучше, даже не по-настоящему быть замужем за добрым открытым человеком, чем за каким-то козлом.

Кстати, о козлах. Рустам так и не объявлялся. Забил на меня и забыл, вычеркнул из жизни, едва не погубив моих двойняшек. Да, я прошла повторное обследование в обычной студенческой поликлинике перед отлетом, и там подтвердили: во мне развиваются здоровые разнояйцовые двойняшки, у

них у каждого своя отдельная плацента, отдельное детское место. Я очень этому рада, ведь они не будут забирать друг у друга питательные вещества и прочее. Надо только самой хорошо питаться. А стипендию мне выписали такую, что проблем не только с питанием, но и со всем остальным быть не должно. А вредных привычек у меня нет. Так что должна выносить и родить без проблем.

Мама с папой пришли в ужас и от моего замужества, и от моей поездки по обмену. Мама долго винила и стыдила меня. Она – человек деревенский, простой, ей даже в голову не может прийти, что можно хорошо жить на стипендию, тем более в Америке. Она причитала и плакала, что я бросаю их, что забуду и останусь там навсегда, а еще не буду присылать денег. И как я ей не объясняла, что все не так, она меня не слушала.

А еще мама очень сокрушалась по поводу скоротечной свадьбы. Они мне там, в Сосенках многодетного вдовца приглядели, а я спутала им все карты... М-да... это они еще про мою беременность не знают, и не узнают, пока не прилечу обратно с детьми в собственную квартиру.

– Объявляется посадка на рейс...

– Наш! – в радостном предвкушении Веня подскакивает со скамейки. – Давай Кудряшкина, в новую жизнь!

Напоследок осматриваю зал ожидания. Кого я хочу тут встретить? Рустама? После всего, что он мне сделал, я его видеть не желаю!

Что ж? В новую жизнь? В новую, так в новую. Ничего, переживу. Справлюсь сама и с детьми, и с учебой. Все выдержу. А Рустам... Бог ему судья.

Глава 10. Случайные дети мажора

Два года спустя

Рустам

– Ребенка и жену! – непреклонен старый пердун.

Мой дед – полубезумный старикан в последней стадии деменции. Но ни один адвокат этого не признает. Ибо все уважают старика Громова.

Уже одной ногой в могиле, а вон все свои условия диктует.

Вокруг его постели сидит куча родственников. Я – единственный прямой наследник, после отца и матери. Их единственный сын. Остальные члены фамилии, ближнего и дальнего родства слетелись, как стервятники: авось перепадет и им что-то от миллиардов старого пердуна.

– Непутевый у тебя сын, Алексашка! – каркает дедок на папаню. – Не твой! Светка, коза дранная, небось рога тебе наставила, когда этого байстрюка в подоле принесла!

Родственники покатываются в приступе немого хихиканья, мама краснеет:

– Илья Викторович, ну что вы такое говорите, ну ей-Богу...

– Цыц! Коза дранная, – продолжает развлекаться мерзкий старикашка, – ты и передо мной своим задом вертела, когда у меня еще хоть что-то поднималось на твой зад!

Хихиканье в зале усиливается. Родственнички – тетки,

дядя, братья и сестры, двоюродные, троюродные, и фиг знает сколькоюродные просто угорают над тем как старикашка размазывает нас по стенке, будто мы сопли какие, а не самая близкая его родня.

– Илья Викторович, – мама красная, точно разгрызла горошину перца, – да никогда в жизни такого не было...

– Свет, ладно тебе! – успокаивает ее папа, сжимая ее узкую аристократическую ладонь, – Отец прикалывается. Юмор у него такой. Черный.

– Эх, debil ты, Алексашенька... – качает головой главный из Громовых, – А Рустам – еще больший debil. Вся надежда на него была, а он? Кутит направо и налево, в компании болт свой пинает.

Ржу с остальными. Ну а что еще делать? Если над тобой смеются, смейся, чтобы обидно не так сильно было.

– Короче, мое условие таково: Герман Демьянович, ты записываешь?

– Да, Илья Викторович, – отзывается его дружбан, такой же мерзкая сушенная мумия – душеприказчик и адвокатишка.

– Пиши, Герман Демьянович! Разделить мое имущество на три равные доли. Алексашеньке, Светке-профурсетке, а третью долю, прости-господи, внуку моему только в том случае, если в течение девяти месяцев, начиная с сегодняшнего дня, он женится и заведет ребенка.

Прописываю себе в лоб отчаянный фейспалм.

– Условие номер два! – не унимается злобный дед. – Со своей женой он должен прожить пять... нет, зачеркни пять! Нехай десять пусть живет под одной крышей и спит в одной постели!

– Дед, ну ты ваще! – кручу пальцем у виска.

– А ну подойди сюда! – дорогой инкрустированной клюкой приманивает меня Гранд-Громов.

Подхожу.

– Нагнись.

Мне противно наклоняться к больному иссохшему старику, со зловонным дыханием изо рта, но делать нечего.

Наклоняюсь. Дед беззастенчиво лупит меня клюкой по башке.

– Дед!?! – удивленно тру место ушиба.

– Тебя в детстве не воспитывали, хоть напоследок уму-разуму обучу! – удовлетворенно отвечает старикашка. – Итак, Демьян... Тьфу ты, Герман Демьянович, если через девять месяцев у оболтуса не появится ни жены, ни ребенка, приказываю разделить его долю поровну на всех присутствующих здесь людей, включая тебя и нотариуса, но исключая оболтуса, Алексашку и Светку-профурсетку.

Вот тут наши дорогие родственнички оживляются еще больше. Радостно потирают лапки, а у Демьяна, то есть Германа Демьяновича алчно загораются блеклые глазищи: еще бы! У нашей семьи столько миллиардов, что треть – огромный капитал, даже разделённый на куву тучу родственни-

ков, адвокатишку и нотариуса.

– Не переживайте, Илья Викторович! – радостно сообщает адвокатишка, я все тщательно записал, нотариус, – (да, нотариус молча афигевал в углу, от свалившегося на него нечаянного счастья), – все подтвердит, и мы будем тщательно следить за исполнением вашей воли!

– Ну все. Моя песенка спета, друзья-товарищи! Адью, Амигос! – мерзко ухмыляется дед, закатывая глаза.

В полном ауте от всего происходящего мы еще несколько мгновений сидим не шелохнувшись, а потом отец подбегает к старикану. Тормозит его. Ощупывает. Ищет пульс.

– Умер... – сообщает недоуменно.

Вот это дед конечно дал! Не мог вчера откинуться что ли по-тихому!? Без этих своих дебильных условий... И что мне теперь делать?! Где я ему жену и ребенка за девять месяцев достану?! Что за бред???

Моим тигрятам сегодня ровно по полтора годика! Пове- рить не могу, что они уже такие большие, самостоятельные и умные!

Я приготовила им по небольшому тортику и вставила каж- дому по свечке. Хоть они и двойняшки, но каждый обладает собственной индивидуальностью и характером... а еще они оба похожи на своего биологического отца. Переняли у него яркую внешность и черты. Каждый раз, когда я смотрю на них, то вижу его... причем теперь в двойном размере.

Ну да ладно, не будем сейчас о плохом. У мальчиков праздник, а значит...

– Дуйте, котятки! – командую я, крепко держа тортики на подносе.

Миша и Гриша смешно раздувают щеки, набирая как можно больше воздуха и задувают свечи.

– Ай да Солнышки! Ай да молодцы! – хвалю я ребят. – Давайте теперь по вкусненькому кусочку.

Двойняшки радостно пищат и хлопают в ладошки. Они у меня очень социализированные. В Америке, где появились на свет, они с двенадцати недель от рождения уже посещали ясли, и поэтому были рано приучены и к горшку, к самостоятельному приему пищи. Даже уже пытались сами одеваться и обуваться.

В Америке я училась по обменной программе. До самого дня родов я ходила на занятия, а родив, просидела дома три месяца на дистанционке, а потом отдала их в хороший частный садик и полноценно вышла на учебу.

С двойняшками было непросто, но я все выдержала, сдюжила, и теперь получила за свои старания однокомнатную квартиру на окраине столицы, со свежим ремонтом и основной необходимой мебелью. Так же за годы обучения мне удалось скопить приличную по скромным меркам сумму на так называемое «первое время».

Детей уже успела определить в садик. Ведь мне нужно продолжать учиться. А вообще думаю, что в новом учебном

году переведусь на заочку, сама же работать пойду. Благо английский теперь знаю, как второй родной, так что подыщу себе что-то подходящее...

Единственное, что меня омрачает, так это возможность вновь встретиться лицом к лицу с отцом близнецов. Вот этого бы мне не хотелось ни при каком раскладе. Два года назад он хитростью вынудил меня сделать аборт, и лишь чудо спасло моих мальчиков от катастрофы. Поэтому такой папаша моим кровиночкам не нужен!

Мои мысли прерывает звонок в дверь.

Веник. Мнется на пороге. Мой муж. То есть по документам-то он мне муж, но фактически мы с ним – чужие люди. Провернули аферу с браком в свое время чтобы поехать по обмену учиться. За это, Венин отец и отписал мне квартиру. Больше нас с ним ничего не связывает.

– Чего надо? – хмуро интересуюсь я.

– Какая-то ты не дружелюбная, Кудряшкина, – кривляется Веник.

Каким был идиотом, таким и остался.

– Я занята, Вень, у меня мало времени.

– Я... это, поживу тут с вами, хорошо?

Такой простой, как две копейки. Еще и дорожной сумкой мне в нос тыкает.

– С какой это стати?! – возмущаюсь я.

– Ну, мы же муж и жена, должны жить вместе...

– Не идиотничай! Я свою часть договора выполнила. Еще

несколько лет мы будем женаты, как я обещала твоему отцу, а дальше – развод и досвидос!

– Вообще-то, это квартира моей бабушки! – напоминает мне муженек.

– К своей бабушке претензии и предъявляй! – рявкаю я, закрывая перед носом Веника дверь.

Договор – есть договор. Я свою часть выполнила. Какие ко мне претензии?

Снова звонок в дверь.

– Вик, на одну ночь... пусти, а!

Глава 11. Поиск решения

Рустам

– Что смотришь на меня? Ресницами своими хлопаешь? – папа так же зол, и растерян от решения деда.

– А что еще мне делать? Бежать срочно первых попавших под руку баб хватать и на сеновал заваливать?!

– Да уж, дед учудил напоследок. – соглашается батя. – Но компанию нельзя делить, ты понимаешь?! Отдадим треть этим прихлебалам и нам звиздец придет!

– Я понимаю, пап, да и самому охота собственные деньги иметь.

Папа поднимается из-за рабочего стола, идет к бару. Достает бутылку вискаря и один пузатый бокал.

– Мне тоже плесни! – напоминаю я о своем присутствии.

– Кукиш тебе, а не вискарь! – папа опрокидывает медовую жидкость и морщится от горечи. – Тебе ребенка строгать еще! Чтоб никакого алкоголя! И сигарет.

Батя злой сегодня. Ну еще бы! Дед умер. Не то чтобы внезапно, он был старым, хорошо пожил, болел... но все равно мало приятного. И несмотря на то, что он был злобным ехидным старикашкой, мы все его любили, и если мне не по себе, хотя мы с ним ни близки, ни дружны никогда не были, то представляю, как больно сейчас папе.

Мы отвезли тело деда в морг, а теперь вот срочно решаем,

как быть с условием.

– Пап, ты реально думаешь, что я успею зачать?! У меня и девушки-то нет на данный момент.

Неприятно морщусь при воспоминании о Марьяне. Бывшая наставила мне рогов и свинтила с одним из лучших друзей. Теперь у меня ни девушки, ни друга.

– А ты уверен, что у тебя по свету маленькие Рустамчики не бегают? – закусывает папа лимоном второй бокал.

– Не должны.

Задумываюсь. Тут же возникает образ Кудряшкиной. Свою бывшую одноклассницу я распечатал сразу после первого курса универа.

Помню, она доставила мне много хлопот. Залетела двойней и пыталась на меня детей повесить, но я не идиот. Сразу нашел выход из положения.

– Говори! – рявкает отец. – У тебя рожа такая, будто есть дети!

– Да нет пап. Аборт есть. – признаю я.

– В смысле?! – батя удивлен. – Какая-то девка от тебя аборт делала?!

– Да, прикинь? Официантка в клубе. Я целканул ее, и она тут же залетела. С первого раза. Двойней, приколись?!

Папа бледнеет.

– Давно?!

– Да года два назад.

– Так может у тебя уже есть дети?!

– Нет, пап. Я ее сам на аборт возил. Врачам заплатил.

– Идиот! – шипит на меня отец. Сейчас бы нашел ее, женился по-быстрому, и детей на себя записал.

– Пап, да она дура полная. – возвращаю я папаню с небес на землю. – Поверила про внутриматочную, бортанулась и в Америку улетела, по обмену.

– Официантка? – поднимает бровь папа.

– Ну, мы вместе с ней в универе учились. Вернее, учимся. Она подрабатывала вечерами, а потом улетела.

– Ну и где она дура? – недоумевает отец. – А ты поступил очень подло. Видишь же, человек и учился, и работал, а ты ее «целканул», фу слово-то какое ужасное! Девственности лишил, и сразу двойню заделал! Тебя что презервативами не учили пользоваться?!

– Да я пьяный в дупель был. – склоняю буйную головушку. – А она меня до дому на такси довезла, до двери проводила, ну я и не растерялся.

– Рустам, дурак – ты, а не она. Испортил девочке жизнь, наврал ей про внутриматочную, заставил избавиться от двойни. Даже со мной не посоветовался.

– А что, мне надо было жениться на ней?! – огрызаюсь зло. Но это защитная реакция, ведь понимаю, что поступил тогда с Кудряшкиной плохо. Но утешаю себя тем, что на нее аборт никак не повлиял. Она вышла замуж, уехала в Америку. Чтобы она делала с двумя детьми тут, продолжая работать официанткой?!

– Как видишь, надо было! – отец швыряет бокалом со всей злости. – Сейчас бы себе волосы на одном месте не рвал от бессилия.

– Короче, пап! – прерываю я бессмысленные рассуждения. – Что было – то было. Теперь-то мне что делать? Пойти в клуб и обрюхатить первую попавшуюся официантку?!

– Прекрати, а! – рычит отец. – Вот все, на что ты способен: оплодотворять официанток. А если у нее не те дни? Или ВИЧ, или гепатит, ЗППП?! Ты хоть думаешь о чем-то когда своим питоном втыкаешь?! Или просто втыкаешь?!

Опускаю голову. Да, порой я действую необдуманно. Из-за этого пару месяцев назад пришлось анонимно лечить одну неприятную болячку, потому что снова развлекался без защиты. Но об этом папе знать необязательно.

– В этой ситуации у нас один выход.

– Какой? – с надеждой смотрю на отца.

– Суррогатная мать. Завтра же дуй в клинику. Пусть без очереди подберут здоровую женщину, проведут оплодотворение твоими живчиками, а потом женишься на ней.

– А если она мне не понравится?

– Это будет фиктивный брак, потом разведешься. Через десять лет. – вспоминает папа последние слова деда. – Короче, или так, или будешь сидеть без наследства.

– У вас акинозооспермия. – сообщает мне врач – уролог.

– Что?! – перевариваю я трудное слово.

– Полная неподвижность сперматозоидов, другими словами. – врач снимает очки, и, потеряв переносицу, снова всматривается в анализы.

– Да быть такого не может, я – молодой мужик, у меня все работает, знаете ли, как по часам!

– Акинозооспермия никак не влияет на потенцию, молодой человек. Вы можете заниматься сексом сколько угодно, но отцом, в ближайшее время стать не получится.

– Даже с помощью суррогатной матери?! – не верится мне.

– А как суррогатная мать оживит ваши сперматозоиды? Каким образом? – врач все так же серьезен, куда несет весь этот медицинский бред.

Блин, неужели это конец?! Неужели дед специально загнал меня в такие рамки, чтобы я не смог получить наследство ни при каких обстоятельствах?!

– А эта, спермия, лечится? – поднимаю я гудящую голову на уролога.

– Лечится. Но полгода-год надо будет усиленно принимать лекарства. Я распишу лечение.

– Доктор, а ошибки быть не может? Отчего вообще эта фигня приключилась? От меня точно одна девушка делала аборт! Я ее сам отправил. Значит я мог зачать!

– Давно делала? – поднимает бровь врач.

– Давно. Года два назад. – скисаю я.

– А потом половые инфекции были?

– Были, – нехотя признаю я, – но я сразу вылечил.

– Значит не до конца вылечили, – хмурится доктор, – иначе с вашими клетками был бы полный порядок.

– Вот черт, а! – отчаянно бью по столу. – Мне знаете, как этот ребенок необходим?! Это – вопрос жизни и смерти!

– Надо было два года назад не гнать девушку на аборт, а поддержать ее. – назидательно сообщает врач.

– Чего?! И вы туда же?! Вы что все, сговорились?!

– Просто парни как думают? – снова снимает очки уролог, – Сделали дело, и в кусты, или еще хуже, как вы поступили, свою же девушку на аборт отправили. И у нее наверняка проблемы, и вас жаренный петух спустя два года в задницу клюнул. Дети посылаются нам свыше. И я не шучу.

Я совершенно скисаю на кушетке. Даже не знаю, как во всем этом признаваться папе. Ведь он тоже переживает за целостной нашей компании, которая невозможна без моей доли.

– А вы уверены, что девушка сделала аборт? – вдруг тихо спрашивает врач.

– Да.

– Вы видели справку? Заключение врача после аборта? Снимок УЗИ? Саму девушку, в конце концов?

– Нет. Она почти сразу в Америку улетела, и больше я ее не видел.

– Она вполне могла не делать прерывания и спокойно родить за рубежом.

Смотрю на доктора в недоумении. А Айболит дело гово-

рит. Ну а вдруг?! И что мне за Кудряшкиной в Америку чesать?! Да хоть на Марс! Я ради наследства на все пойду.

– А как узнать, был ли у нее аборт или нет? – с надеждой утопающего спрашиваю я.

– Поезжайте в ту клинику, куда отвозили ее, поинтересуйтесь. Пусть поднимут архив. Два года – не критичный срок, должны вспомнить.

– Доктор, вы – гений! Спасибо вам! – воспряываю я духом.

– Лечение-то будете проходить? – хмыкает врач.

– Буду, буду, вот только потом! – я уже в дверях.

– Ну-ну, – откладывает мои анализы врач в дальний ящик.

Глава 12. Аборт или нет?

Рустам

– Нин, просто посмотри по бумажкам, сделала Кудряшкина аборт или нет! – теряю я терпение.

Приехал в ту клинику, куда года два назад возил Кудряшкину для решения проблемы. Если бы я только знал, чем мне ее аборт обернется в будущем...

Врачиха как назло медленно щелкает мышью, потом роется в папках.

– Нету инфы, Руся... – растерянно отвечает она. – Я сейчас до Ульянки, узистки схожу, мы же с ней вместе в деле были, расспрошу, куда-чего.

– погоди, я с тобой пойду! – решительно поднимаюсь я.

Через полминуты мы входим в затемненный кабинет. Ульяна что-то сосредоточенно пишет в бумагах.

– Уль, ты помнишь девку с двойней, что Рустам привозил на чистку?

– Еще бы! – усмехается узистка, – Я на Кипре тогда по полной зажгла на эти деньги... А что-то случилось? – насто-роженно смотрит она на нас.

– Она точно сделала аборт?! – не в силах я больше сдерживаться.

– Конечно, – отвечает Уля, – Нин, ты же ей таблетос выдала, мы ее в процедурной заперли.

– И что потом? Она выпила? Аборт был?! – меня крайне бесит тупость обеих врачей.

– Наверно. – сглатывает Уля. – Ну конечно, выпила, мы же ее по полной программе напугали!

– А что должно было произойти, после того как она выпила? Ребенок должен был, кхм... выйти? – продолжаю допытываться я.

– Ну, не сразу, через некоторое время, но да, все должно было выйти с месячными.

– А есть такая вероятность, что она не выпила эту таблетку?!

– Слушай, Рустам, в рот мы ей не заглядывали, в трусы, впрочем, тоже. – отрезает Нина. – Мы свою часть договора выполнили – напугали внутриматочной и дали таблетку. Только идиотка на ее месте, зная, что ей грозит разрыв маточной трубы, не выпила бы таблеток.

– Так что, Русь, – вторит Нине Уля, – Выпила она сто процентов, и домой свалила. А раз к нам не обратилась больше, значит аборт произошел без последствий.

– Вот черт!!! – в сердцах бью по Ульянинному столу. – Ну может, хоть один крохотный шанс есть, что она все же родила?!

– А тебе зачем? – испуганно интересуется Нина. – Деточек понянчить захотелось?

– Не твое собачье дело! – рывкаю на докторицу.

– Рустам, вообще шанс есть, – сообщает мне Ульяна. – Де-

ва была очень расстроена и подавлена внематочной. Видно было, что она хотела этих детей...

Блин. Как-то мерзко на душе становится от этого. Одно дело, когда девушка не хочет сохранять беременность, и идет на аборт добровольно, а другое, вот так, когда ее вынуждают... Кудряшкиной наверно было неприятно осознавать, что другого выхода не будет. У них же, у баб материнский инстинкт развит... а еще аборт – стресс для их нервов.

М-да... очень нехорошо тогда вышло. А сейчас так вообще – писец полный!

– Короче, пап, живчики у меня не того самого. Не живые.

– В смысле? – хмурится батя.

– Какая-то зооспермия у меня неподвижная, – краснея сообщая отцу результат анализа, – в общем, в ближайшее время от меня никто не залетит.

На папу смотреть страшно. Словно он мне втащить по зубам собрался. Надо срочно смягчить ситуацию:

– А вот по той девушке, что была от меня беременной, вроде есть какие-то просветы.

– Какие?! – рычит батя, насупившись.

– Нет стопроцентного подтверждения аборта. В клинике его не зафиксировали. Ей просто дали таблетку. При докторе она не пила.

– Дома небось выпила. – обламывает меня папа.

– А может и нет! В таком случае, наше наследство спасе-

но!

– Короче, Рустам – ищи ее! Где хочешь ищи! Из-под земли достань и призови к ответу. Если она оставила детей – тебе крупно, просто невероятно повезло. Если нет – то ты самый последний идиот, самолично просравший наследство. У меня все. Пошел вон отсюда!

– На заочку? – комкает мое заявление в руках проректор. – Почему решила пойти на заочку? Это же – последний курс. Отучись уж как-нибудь на очном, потерпи, ну глупо же столько учиться на очке и в конце все испортить...

– Мне нужна работа. – честно признаю я. – Детей-то кормить надо, да и себя, и родители там ждут от меня очередных переводов.

– Так совмещай. – остается Павел Викторович непреклонным.

– Вы представьте, и работа, и учеба, и два ребенка полуторогодовалых... и я одна. Как вы себе это представляете?

Павел Викторович снимает очки, его выражение лица смягчается.

– А как у вас с Вениамином?

Странные вопросы, однако проректор задает.

– В каком смысле?

– В прямом. Не подружились ли вы? Может сблизились?

– Нет, конечно! – заверяю я проректора. – Я на Веню никаких видов и планов не имею. Так что вам переживать не

за что!

– Эм... – мягко усмехается профессор, – я и не думал переживать. Даже был бы рад, если бы вы с Веней...

Смотрю ошарашенно на проректора. Он что, решил своего сына пристроить?!

– Не смотри так на меня, Кудряшкина. Это раньше я думал, что плохая идея вас сблизить по-настоящему, думал негоже на Веника чужих детей вешать.

Вспыхиваю. С тех пор как родила, остро переношу любое негативное высказывание в сторону двойняшек.

– А сейчас, спустя два года решил: ты – не самый плохой вариант для Вени: умная, целеустремленная, работающая, с квартирой, – подмигивает мне по-хитрому, – а то, что дети... ну и что? Еще одного, общего, родишь Венику и заживете настоящей семьей. Ведь уже расписаны, чего мыкаться по разным людям?

– Нет, спасибо! – тут же отвергаю я эту бредовую идею. – Веника еще самого воспитывать и воспитывать. У меня и так двое, чтобы еще одного, третьего ребенка, великовозрастного себе на шею вешать.

– А ты подумай об этом с другой стороны, – не унимается Павел Викторович, – воспитаешь мужа под себя. С чистого листа, как говорится, начнешь.

– Я не люблю его. И не хочу воспитывать взрослых мужиков. Мне моих сыновей хватает.

– Поверь мне, – гнет свою линию проректор, – любовь –

это вообще десятое дело в семейном счастье. Сегодня не любишь, а завтра жить без него не сможешь...

– Нет. Перестаньте. Сразу говорю, чтобы потом обид не было. С Веней все остается в рамках договора.

– Не руби с плеча, Кудряшкина! Я вам деньгами этот год подсоблю, чтобы обучение хорошо закончили. Тебе работать не надо будет, подумай об этом. А заявление твое пока поддержку, вдруг передумаешь?

Глава 13. Первый день в универе

– Здравствуйте, Даниэль Александрович.

– Вика, это ты?! – полный восхищения и удивления мужской возглас.

Оборачиваюсь. Волков Даниэль Александрович. Тот самый молодой препод по экономике.

В стильном дорогушем пиджаке, в идеально сидящих на нем брюках. С деловым кейсом в руках. В глазах дерзость и самоуверенность, на пальцах нет кольца. Так никто и не охомутил молодого богатого препода...

У меня-то кольцо на пальце в отличие от него есть. И я очень однозначно поправляю выбившуюся прядь, сверкая обручалкой у носа молодого препода.

– С возвращением, Вика! Давно вернулась?

– Где-то с месяц назад.

– А я даже не знал... – с неподдельной досадой сообщает Волков. – Наверно здорово учиться за океаном? Может встретимся как-нибудь, вы расскажете мне о своей учебе за ужином?

Вот это номер... Он что, обручального кольца не заметил? И не знает, о моем замужестве и двоих детях?! И раньше он меня на ужины не приглашал, это – реально что-то новенькое.

– Так как на счет ужина? – наступает на меня Волков.

Сейчас конец августа, и занятия еще не начались, коридор около кабинета проректора пустой и полутемный. Мы с ним только вдвоем, и мне не очень нравится его напористость, блеск в его глазах.

– Можем прямо сегодня? Сейчас я занесу документы Павлу Викторовичу и поедем в первый классный ресторан!

Ага, а потом к небу домой, отрабатывать счет в этом ресторане и готовиться кхм... к будущей сессии.

– Нет. – как можно спокойнее отрезаю я. – Дома меня ждут муж и дети. Ни по каким ресторанам я не хожу.

– Муж?! Дети?! – сглатывает Волков, недоверчиво глядя на меня. – И сколько детей вы успели родить?

– Двоих. – победоносно улыбаюсь я.

– Ну да... – бормочет себе под нос Даниэль, явно что-то прикидывая, – два ребенка за два года. Погодки что ли?

– Двойняшки! – окончательно добиваю я его.

Даниэль оглядывает мою стройную, без единого лишнего грамма жира фигуру, пожирает меня голодным взглядом. Да, я знаю, что мне удалось сохранить девичью фигуру, несмотря на двойню. Ничего удивительного в этом нет. Малышей – двое, а я – одна. Веник никогда не помогал мне с детьми, да я и не ждала от него помощи. Иной раз не то что поесть – в туалет сходить было некогда. Поэтому в таком темпе я не то что набирала – наоборот снижала лишний вес.

– Ну, Кудряшкина, ты даешь! – потрясенно качает головой препод. – Ладно, встретимся на занятиях. Надеюсь, что

увидю тебя на своих парах.

Препод заходит к проректору, а меня, словно током дергает: ведь не только приставучего препода я увижу в скором времени на занятиях... а еще и отца своих малышей – Ру-стама.

Рустам

– Здравствуйте, Павел Викторович.

– Здравствуйте, Громов, чем обязан? – проректор при-встает, пожимает мне руку.

Садится обратно, жестом приглашая меня присесть в кресло, напротив. Проректор прекрасно знает, что я – сын миллиардера, из так называемой золотой молодежи, поэтому не прогоняет меня как обычного студента, а готов выслушать мои проблемы.

Пораскинув мозгами, где могу отыскать хоть какую-то ин-формацию о Кудряшкиной, я приехал к проректору по учеб-ной части, ведь он наверняка должен был быть в курсе, вер-нулась ли его студентка из обменной программы.

– Слушаю вас, молодой человек, – подгоняет меня он, – у меня не так много времени.

– Да, простите. Много времени я у вас не отниму. Куд-ряшкина Виктория Викторовна... помните такую?

Проректор меняется в лице на мгновение, но быстро бе-рет себя в руки, навешивая на себя суровую озабоченность вселенскими университетскими проблемами.

– Почему вы собственно интересуетесь?

– Она уезжала два года назад по обменной программе в Америку, – напоминаю я.

– И дальше что?

– Хотел бы узнать, вернулась она, или нет?

– А зачем вам Кудряшкина?

Да, старый хрен, так я тебе и скажу, зачем мне сейчас Кудряшкина.

– Я был в общежитие, где она проживала до поездки. Вахтерша ничего внятного мне не ответила. Сказала, что улете- ла Кудряшкина, и больше о ней ничего не известно.

– Ну, а зачем вам девушка, не пойму?

– У меня к ней дело... кхм, личного характера.

Проректор ухмыляется, причем так кривенько, что мне это ой как не нравится. Наверняка знает что-то про Вику.

– Не знаю, какие у вас могут быть личные дела с замужней дамой! – отрезает мужчина.

– Замужней?! – в свою очередь охереваю я. – Это она в Америке успела замуж выйти?!

– Нет, не в Америке. Насколько мне известно, вышла она замуж тут. За своего однокурсника. И вместе они отправи- лись по обмену.

Если бы я сейчас не сидел, то упал бы, честное слово. А я недооценил Кудряшкину в свое время. Кто бы мог поду- мать, что нищая приезжая официантка сначала умудрится залететь от меня, сына миллиардера, причем сразу двойней,

а потом выйдет замуж, да еще выиграет программу обмена! Не так проста Кудряшкина, ох, не так проста!

– У них дети. – продолжает добивать меня проректор.

– Двойня? – делаю я стойку.

– Похоже, вы тоже осведомлены не хуже моего, – осторожно бормочет профессор. – Они живут вместе с мужем, и воспитывают детей. Никаких личных дел с Кудряшкиной у вас быть не должно!

Вот это новости!!! Либо Кудряшкина исключительно двойнями залетает, либо ее муженек, что более вероятно, счастливо воспитывает моих детей, ни о чем таком не подозревая!

Рустам

Ну здравствуй первый день учебы! – кисло думаю я, паркуя свой спортивный автомобиль на университетской парковке.

Единственное, что радует и волнует меня в данной ситуации, так это то, что возможно смогу увидеть Кудряшкину, и расспросить ее о детях.

Даже по этому поводу разоделся, а вчера прическу у барбера освежил, и стильную бороду себе оформил. Бабы, они такие, любят, чтобы мужик хорошо выглядел, вкусно пах, ну и вообще был привлекательным. Так вот. Я именно такой. Подмигиваю себе в зеркало, щелкаю брелочком сигнализации, и иду в аудиторию.

– О, Рустам, привет! – раздаётся с разных сторон.

Мои одноклассники рады меня видеть, но вот я, не слишком. Снова целый год убивать на эту чертову учебу, хотя я так уже подналовчился под руководством отца, что без этого диплома смогу работать. Но делать нечего – миллиарды требуют диплома, и это факт.

– Че у нас там первой парой? – кривлюсь я, снимая солнцезащитные очки.

– Экономика. – улыбается мне девчонка с моего потока. Стреляет глазками, дует губки. Все с ней понятно. Ищет спонсора. Нет, не сегодня, солнышко.

Захожу в нужную аудиторию, занимаю место повыше. Аудитория старая, громадная, целый лекционный зал, прохладно и гулко. Начинают стекаться остальные студенты. Вот запархивает Марьяна. Я тут морщусь и отворачиваюсь.

Изменила мне, тварь. С Арменом рассорила. От Юли тоже скрываюсь за смартфоном. Все знала про свою подружку, и ни словом не обмолвилась, две жучки, что с них взять?

– Рустам, привет!

Поднимаю взгляд. В коротких джинсовых мини-шортах, в топике, лохмы свои распустила, губы ярко намазала. Шмара – одним словом.

– До свиданья! – бурчу под нос, отворачиваясь.

Марьяна не смущается. Садится рядом. Закидывает метровую ногу на ногу. Типа Шерон Стоун местного разлива... в нос бьет тяжеленный сладкий люксовый аромат.

Беру смартфон, кейс с конспектами, отсаживаюсь на соседнюю скамью. Марьяна усмехается.

Звенит звонок. Вместе с ним в аудиторию порывисто влетает Волков. Даниэль Александрович тот еще гавнюк. Немногим старше меня, и вместо того, чтобы в бизнес отца идти, тут зависает, великого препода из себя корчит. Ага, в брендовых брючках и стильном пиджачке в стоимость своей годовой зарплаты, в крокодиловых ботиночках и стрижечкой у моего же барбера. Ох, форсит препод... ох студентки так и текут с него... Интересно, а он пользуется своим положением? Ну, зачет через диван ставит? Я бы пользовался, иначе не вижу другого смысла с его баблом прозябать в таком месте.

– Доброе утро. – раскрывает кейс, достает свои лекции на бумажках.

Оглядывает нас всех поверх стильных очков. Всматривается внимательно, будто ищет кого-то. Ой блин, я же тоже должен искать Кудряшкину. Сейчас в аудитории три или четыре группы, народу тьма. Девок тоже. И хотя Кудряшкину я не видел два года, но думаю сразу бы узнал ее среди остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.